

Наталья Данилова

Однажды

Сборник стихов
и сказочных историй

Наталья Данилова

**Однажды. Сборник стихов
и сказочных историй**

«Издательские решения»

Данилова Н.

Однажды. Сборник стихов и сказочных историй / Н. Данилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831391-2

Давнее пристрастие к сочинительству, мистике и фантастическим ситуациям отображено в этом сборнике. Наталья придерживается чеховского тезиса о том, что воображение человека и образы, в нём возникающие, — это не вымысел, а часть природы. Значит, герои этих новелл и сказок существуют в природе на самом деле. Это волшебное слово — ОДНАЖДЫ. С него-то всё и начинается...

ISBN 978-5-44-831391-2

© Данилова Н.
© Издательские решения

Содержание

Счастливая Ида	6
Нарру Ida	9
Сказка о том, как Карл у Клары не крал кораллы, а Клара У Карла украла кларнет	12
«Женщина моей мечты»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Однажды
Сборник стихов и сказочных историй
Наталья Данилова

Но вот однажды. Обратите внимание на это слово, ведь, как правило, именно с «однажды» всё и начинается.

© Наталья Данилова, 2016

ISBN 978-5-4483-1391-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Счастливая Ида

В день, когда умерла старая Ида стояла сильная жара. Она сидела в саду на солнце и не заметила, как уснула, а когда проснулась, с ней случился удар, и она покинула этот мир.

Детей у нее не было, а вся семья – только она и муж, который очень скоро утешился, женившись на молодой, хорошенькой женщине. И некому было поплакать над тем, что бедной Иды не стало.

Ида была доброй, заботливой, никогда никого не обманывала, не причиняла зла и поэтому после смерти попала она в райскую страну.

В тот самый миг, когда Ида рассталась с земной жизнью, над ее бледным телом склонились Ангелы, сложив за спиной свои огромные крылья. Они смотрели на нее голубыми, холодными глазами, а их длинные белые волосы, окутывали словно туманом, их одинаковые, бесстрастные лица.

Ангелы причесали, умыли Иду, переодели в небесно—голубой балахон, взяли за руки и вспорхнули вместе с ней на небо.

Ида поначалу опечалилась, узнав, что умерла, но, постепенно присматриваясь ко всему, что теперь ее окружало, решила, что здесь не так уж и плохо.

В прошлой жизни она только и делала, что крутилась на кухне, стирала, ухаживала за садом, за своим эгоистичным, избалованным мужем.

В общем-то, жили они дружно, никогда не ссорились, но счастливы не были, потому что, как считала Ида, у них не было детей. А все потому, что муж очень этого не хотел.

«Нам с тобой и так хорошо!» – говаривал он порой, а Ида немного погоревав, успокаивалась, и чтобы не злить и не расстраивать мужа, снова подолгу не говорила с ним об этом.

Так они и жили одни – одинешеньки.

Дом был богатым, всего вдоволь, как говорится – полная чаша. Но здесь, в райской стране ей ничего этого не было нужно. Она могла целыми днями гулять по паркам, благоухающим великолепными ароматами, любоваться водопадами, разбивающимися о каменные глыбы тысячами бриллиантовых брызг, наслаждаться прохладой, тишиной и пением птиц. Ида знала, что теперь так это и будет вечность. Она видела, как, медленно двигаясь, почти скользят по воздуху такие же, как она люди, в таких же длинных балахонах, с печатью безразличия на лицах. Никто не разговаривал друг с другом и Ида, как ни хотела этого, не могла ни с кем заговорить. Но **однажды** она встретила ангела, который хранил её в детстве и являлся к ней в детских снах. Он объявил Иде, что появился здесь не случайно: один раз в сто лет любое её желание будет исполнено.

Ида очень удивилась, что оказывается, уже прошло сто лет, как она попала в эту райскую обитель.

Ангел объяснил Иде – Для Вечности это очень маленький срок – столетие.

– Действительно, ты прав. А моё единственное желание – это поговорить с кем-нибудь, хотя, как это я не заметила, мы ведь с тобой разговариваем!!! – сказала Ида.

– Здесь ты сможешь говорить только со мной или с теми, кто не родился, из Страны Несбывшихся Судеб. Это совсем рядом. Пройди по этой аллее, до заросшего плющом каменного грота, войди в него, и ты получишь то, что желаешь. А сейчас, прощай, встретимся через сто лет.

После этих слов Ангел превратился в облако, а через мгновение и вовсе испарился.

Ида поспешила к указанному месту. Много раз проходила она мимо этого грота, но ни разу ей не приходила мысль заглянуть сюда. Снаружи казалось, что внутри грота темно, как ночью, но стоило Иде сделать несколько шагов, как она увидела коридор постепенно всё более

и более освещённый. В конце тоннеля Ида обнаружила ажурную калитку, за которой находилась та самая Страна Несбывшихся Судеб, о которой говорил ангел.

Ида успела привыкнуть к красоте Рая, но здесь было еще великолепнее: мраморные дворцы и фонтаны, хрустальные беседки у прозрачных озёр с золотыми рыбками. К её удивлению эта страна была полна диковинных животных, мирно гуляющих среди экзотических кустарников.

Чтобы осмотреться и увидеть всё это, у неё было всего несколько минут. Как вдруг, неизвестно откуда, выскочила целая ватага ребятишек и с криком – Мама, мама! – кинулась к ней.

– Мама, мама – кричали они, перебивая друг друга, а самый маленький, но ловкий карапуз в одно мгновение вскарабкался к ней на руки и трогательно защекотал шею Иды своими лняными кудряшками.

Ида остолбенела от неожиданности: «Малыши, вы ошиблись, у нас с мужем никогда не было детей, я могла только мечтать об этом»

– Вот именно, – сказал старший мальчик и заложил руки за спиной, совсем также важно, как любил делать её муж. Только сейчас она стала вглядываться в лица ребятишек, которые прильнули к ней, обнимая за колени. Они были поразительно похожи кто на мужа, кто на неё саму. Особенно милая девчушка с длинными ресницами и золотистыми волосами была если не зеркальным отражением, то уж её детским портретом точно.

Всё тот же старший мальчик продолжал:

– Ты забыла, что находишься в Стране Несбывшихся Судеб. Все мы могли бы родиться и быть твоими детьми, но вы с папой решили иначе и вот мы здесь.

Иду, охватило сильное волнение, она начала судорожно обнимать всех детей по очереди и целовать их пухленькие ручонки. Слезы лились из её глаз.

Как же так, эти семеро ангелочков могли бы быть её детьми. Мечтой Иды было, поговорить с кем-нибудь, но сейчас она будто онемела, и не могла проронить ни слова.

Тем временем, старший мальчик продолжал:

– У нас, мама, нет настоящих имён, они условные: меня зовут Приз, братишек: Сэт, Бриг, Стэп, а тот, что у тебя на руках – Кейс, сестрички – Соло и Жабо.

Ида продолжала плакать и ласкать своих так и не родившихся малышей.

Бедные мои крошки, у них нет ничего, даже имён, какие-то клички. Они навсегда останутся малютками и не узнают, что значит жить на свете».

Тем временем, Соло, та самая, которая была так похожа на Иду, утёрла своей несостоявшейся маме слёзы краешком своей сорочки.

– Жаль, мамочка, что я у тебя не родилась, – пролепетала Соло.

– В книге Судеб, которая хранится у Императора нашей страны записано, что мне было предназначено стать твоей любимицей, я научилась бы твоему непревзойдённому кулинарному искусству. Наша Жабо должна была стать победительницей на всемирном конкурсе красоты, а потом очень талантливой актрисой. В этой книге мы прочитали, что Сэт был бы учёным, Бриг и Стэп – военными моряками, Кейс – сенатором, а Приз – учителем. Никогда бы вы не пожалели о нашем рождении, мы не доставили бы вам с папой огорчений и были бы хорошей дружной семьёй.

Разговор подхватил Кейс, которому предназначено было стать сенатором:

– Мы всё знаем о себе, мамочка, даже кто в каком году должен был родиться, и что послужило причиной вашего нежелания обзавестись потомством. Я, например, должен был появиться на свет, когда ты сильно болела, но уверяю тебя, я родился бы вполне здоровым, а ты избавилась бы после родов от своего недуга раз и навсегда. Рождению Брига и Стэпа (они близнецы) вы с папой предпочли длительное турне, во время которого, кстати, отец сломал ногу. Девочки не родились как раз в то время, когда вы были в ссоре, и дело чуть не дошло до развода.

Ида, по-прежнему, не могла проронить ни звука и, тихо всхлипывая, слушала сына – сенатора.

– Сэт не родился в год землетрясения и вы, вместо него, ждали новых толчков и разрушений. А Приз, ваш самый старший сын, не родился, по уж совсем смехотворной причине: в лотерею вы выиграли яхту и решили совершить кругосветное путешествие. Долго готовились, мечтали, но этим мечтам не суждено было сбыться. Яхта так и простояла в сарае и потом была продана за ненадобностью с большой скидкой.

Ида со скорбью в глазах посмотрела на своего «первенца».

Приз стоял, понутив голову. От его важного вида не осталось и следа, нижняя губка мелко задрожала от обиды, он был готов разреветься. Сестрички бросились его утешать. Ида, увидев эту трогательную картину, снова заплакала: «Бедные, родные мои крошки! Для чего прожита жизнь?»

Её тело заколотилось с такой силой, что казалось, она очутилась внутри какой-то смертоносной центрифуги. После очередного толчка... она проснулась.

Муж, склонившись над ней, тряс Иду за плечо:

– Проснись, дорогая. Ты вся в слезах. Просыпайся, пойдём в дом, здесь теперь так жарко.

Ида потихоньку приходила в себя, но всё ещё продолжала лежать.

– Тебе, видно, плохой сон приснился, его нужно поскорее забыть и постараться развеяться. Кстати, у меня радостная весть. Помнишь, в городе мы купили несколько лотерейных билетов? Так мы с тобой выиграли... Что бы ты думала?

Ида, приподнявшись на локтях, взглянула в молодое, светящееся от счастья лицо мужа, и уверенно произнесла: «Яхту!»

– А как ты догадалась?! – он искренне удивился такой проницательности и чмокнул жену в щёку.

– Ах, ты моя плутовка! Представляешь, какая теперь нас жизнь ждёт впереди? Пошли!

И он широкими шагами направился к дому, привычно заложив руки за спину.

Ида прижала ладонь к животу и, немного склонив голову, как будто прислушиваясь к слабым движениям в нём, прошептала:

– Конечно! Теперь я представляю, какая жизнь нас ждёт впереди. Во всяком случае, для яхты времени у нас не будет. Это я тебе точно обещаю, Приз!

Июль 1991г.

Happy Ida

«Счастливая Ида» в переводе Александра Данилова.

THE day when old Ida died was terribly hot. She was in the garden basking in the sun. The woman didn't notice as she fell asleep. When she woke up she had a heat stroke, and she left this world for good.

Ida had no kids. Her only family was herself and her husband who very soon afterwards found consolation in marrying a pretty young woman. And there was no one to mourn the loss of his poor wife.

Ida was kind and caring, never hurting or being mean to anybody, so she found herself in heaven after she died.

At the very moment her soul was no longer caged in the body, angels came from above to her folding their wings behind their backs. They were watching her with cold blue eyes. The passionless faces of the angels were covered in long white hair.

The angels brushed Ida's hair and washed her face. Then they dressed her up in a shapeless azure garment, and took wing into the endless blue sky with her.

Ida was very sad when she realized she no longer lived but as she was learning every new thing that was now a part of her world it came to her gradually that it wasn't all so bad. All she did in her former life was cooking, doing the laundry, taking care of the garden, and indulging her lazy husband. Actually, they lived a contented life, never had fights, but weren't happy either, since they had no children because the husband never wanted them, and that was Ida's biggest concern.

«Why should we? We are happy anyway», – he often said. Ida, after some grieving, calmed herself and didn't touch that subject for a very long time not to make her husband angry.

So that's the way they lived, all alone.

They were quite rich and had everything they wanted. But here, in Heaven, she never missed anything from her former life. She could spend days walking around parks filled with wonderful fragrances, feasting her eyes upon waterfalls with splashes shattering into thousands of fine diamond drops, enjoying the coolness, the quiet and the birds singing. Ida realized that it was the way the Eternity would last. She saw other people moving slowly, almost floating in the air. They wore the same shapeless garments and had same passionless expressions on their faces. No one was talking to each other and Ida, in spite of wanting so much to speak to anybody, could not either. However, one day she met a guardian angel from her childhood and came to her in her dreams. He told the woman that he wasn't here just by accident – he was there to fulfill any wish of hers once in a hundred years. Ida was very surprised to learn that as much as a hundred years have passed since she found herself in heaven. The angel explained that a mere hundred years wasn't much for an Eternity.

Yes, you are right, Ida agreed. And my only wish is to have a chance to talk to somebody. Although, I almost forgot that I'm talking to you now.

The only ones you can speak with are myself, and anyone else who wasn't born. You will find them in the Land of Unwanted Souls, the angel replied. It's not far from here. Go to the end of this alley until you reach a stone ivy-grown grotto, and then enter it and you will get what you've asked for. Now it's time to say good-bye. See you in a hundred years, the angel uttered turning into a cloud, completely vanishing from sight in a moment.

Ida hurried to the grotto. She walked past it before since she got to live in Paradise but never entered it. It seemed from the outside that it was pitch dark inside but after walking for a little while, Ida saw a corridor with a light that grew brighter with every step. At the end of the tunnel, Ida noticed a tracery wicket. A vast green lawn stretched far away behind it. This is the Land of Unwanted Souls! – Ida realized. She already got used to the beauty of Heaven but it was so much more fascinating here:

palaces and fountains laid in pure white marble, gazebos of finest crystal with clear water nearby that had golden fishes gliding all around. To her astonishment, this land was full of unusual animals, peacefully grazing around exotic plants. She had only few minutes to look around and enjoy the beauty of the Land when all of a sudden she saw a cheerful gang of kids who came running to her shouting «Mommy, mommy!». They went «Mommy, mommy» on and on eagerly as the smallest but agile kid climbed up to her arms in the blink of an eye. His fair curls tickled Ida's neck. God, was she touched!

The woman was stunned by such an unexpected event.

– «Kids, kids, you must have mistook me for somebody else. My husband and I had no kids, I could only dream about it.»

– «Exactly», the oldest boy said, holding his hands behind his back just like her husband, which made him look important.

It was only now that she began looking into the faces of children who were all around Ida hugging her ever tenderly. All of them had an amazing resemblance with her husband and herself especially a little girl with long bending lashes and goldish locks who was a projection of what Ida was as a child if not her mirror image.

The same oldest boy continued: Don't forget that you're in the Land of Unwanted Souls. We all could have been born and be your children, but you and dad thought different, so here we are.

Ida felt a sudden grip of anxiety. She started hugging the kids one by one, and kissing their chubby little hands. Tears gushed from her eyes. How could this be real? These seven wonderful kids could have been hers. Her dream was to speak with some living soul but now it was as if she grew numb and couldn't say a word.

At the same time, the oldest boy went on:

– We don't even have real names, mom, they're all conditional. My name's Prize, my brothers here are Seth, Brig, Step, the little one in your arms is Case and my sisters are Solo and Jabot.

Ida kept on crying and instinctively hugging her unborn children.

– «My poor little babies», she thought. «They got nothing, not even real names. They will stay kids forever and won't even know what it is to live».

In the meantime, Solo, the one that had a stunning resemblance with Ida, wiped her mother's tears with the edge of her gown.

– «It's too bad I wasn't born, mommy», she muttered. From the Book of Destiny, that the Emperor of this Land keeps, we found out that I was meant to be your favorite daughter – I would inherit your unsurpassed gift of cooking. Our Jabot would be the winner of the World Beauty Contest, and then a really talented actress. We also read that Seth would have become a scientist, Brig and Step could have been marines, Case would take senator's office, and Prize would devote his life to teaching children. You would never have felt sorry about our birth and we wouldn't be much trouble so we could have been a great family».

Little Case who was meant to be a senator, added: «We know everything about you, Mommy, even what year each one of us was supposed to be born, and the reason of your unwillingness to have children. For example, I was supposed to be born in the time when you were quite ill, but I assure you that I would have been one healthy child and you could have got rid of your ailment once and for all. You preferred to go on a long tour to the birth of the twins, Brig and Step. Moreover, daddy even broke his leg during that trip. The girls were unwanted because of that fight of yours that nearly has grown into a divorce».

Ida still couldn't make a sound. She could only sob gently and listen to what her might-have-been senator son said.

– «Seth was left in this land forever the year the earthquake occurred. You've been expecting more jolts and destruction instead of your son. As for Prize, your older son, the reason why he was never destined to see the light of day was a joke: you won a boat in the lottery and made up your mind

to sail round the world. You've been preparing for it; you've dreamed about it and still, never made it. The boat spent a really long time in the shed, and was finally sold with a big discount as not wanted».

Ida looked at her first-unborn with grief. Prize hung his head. There was nothing left from his air of importance. His lower lip trembled. He was on the verge of tears. Sisters hurried to comfort him. Ida, watching this touching scene started to cry again: «My poor little babies! What have I lived my life for?»

Suddenly she felt a strong trembling inside. It was so hard that it seemed to her that she got into some deadly centrifuge. After another moment of trembling she... woke up. Her husband, standing beside her, shook her by the shoulder.

– «Wake up, darling. You're all in tears. Why don't we get inside, it's so hot here now».

Ida was slowly coming to consciousness.

– «You must have had a bad dream. You better get over it quickly, because I have good news for you. Remember, we were downtown yesterday, and I bought some lottery tickets. And we won! Can you believe that? Come on, guess what it is.»

The woman rose herself a little bit on her elbows and looked at her husband. He was gleaming with happiness.

– «It's a boat», she said confidently.

– «How on Earth did you know that? Why, you my sly little baby! Just imagine what a great life we'll have. All right, let's get inside».

After saying that, he headed for the house holding his hands behind his back as usual. Ida gently touched her stomach slightly tilting her head as if trying to hear some barely noticeable movements inside and whispered: «Of course I can imagine what a great life we'll have. In any case, we are not going to have any time for some silly boat.

And that's a promise, Prize!»

Сказка о том, как Карл у Клары не крал кораллы, а Клара У Карла украла кларнет

Случилось это так давно, что никто точно не помнит, когда это было.

Так вот, именно тогда и жил на свете бедный музыкант Карл, который из имущества только и имел, что кларнет да доброе сердце.

Каждый день приходил он на Ратушную площадь – главную площадь города, и играл на своем кларнете. Вокруг собиралась толпа зевак и слушала его завораживающую музыку.

Иногда кларнет Карла так брал за живое, что плакали даже те горожане, которые не ожидали от себя такого проявления чувств, а иногда кларнет заставлял их смеяться и подплясывать себе в такт. Деревянные башмаки стучали о брусчатку:

так-таки-тук,
так-таки-тук,
так-таки-тук,
тум-тум.

Сердце веселилось, и люди становились необыкновенно красивыми от улыбок и сияющих глаз. И даже самые хмурые обыватели превращались в простодушных романтиков.

А потом в шляпу Карла летели монетки, которых хватало, только лишь на покупку завтрака в ближайшей кофейне, да на краску для молодого месяца, так как Карл ночами раскрашивал его и строго следил за тем, чтобы ночной светильник сохранял всегда свежий и опрятный вид. Когда месяц прибавлял в размерах, разумеется, и краски на его поддержание в надлежащем виде, уходило больше, что соответственно сокращало расходы на завтраки Карла. Но Карл не роптал, а молча худел в противоположность месяцу. Вот так, что ни говори, а все в нашей жизни взаимосвязано.

Звезды тоже требовали тщательного ухода и бережного обращения. Карл аккуратно снимал их с неба, прополаскивал в чистой воде, и насухо вытерев платочком из льна или фланели, возвращал на место. Обычно Карл справлялся с хлопотами за два – три часа после полуночи. Но все это было делать Карлу совсем нетрудно, он и за работу то это не считал. Просто должен же кто – то заниматься тем, до чего у других руки не доходят.

Едва наступало утро, Карл брал свой кларнет и шел на площадь. И так было изо дня в день.

Но вот **однажды**.

Обратите внимание на это слово, ведь как правило именно с **однажды** всё и начинается.

Итак, однажды Карл увидал среди своих слушателей девушку весьма загадочного вида. Одета она была лучше, чем горожанки среднего достатка. Ее голову и лицо покрывала белая ажурная вуаль, а на точеной шее виднелось богатое коралловое ожерелье. И хотя Карл из-за вуали не мог рассмотреть ее лица, он был уверен – оно прекрасно, так же как и ее душа способная столь тонко чувствовать и понимать язык музыки.

Появлялась она каждый раз также внезапно, как и исчезала.

Во время одного из таких концертов Карл решил вовсе не отрывать от нее взгляда. И тут произошло чудо: девушка слегка приоткрыла лицо, подняв накидку, и Карлу показалось, что она ему подмигнула. Карл зажмурился, встряхнул головой и снова взглянул на чаровницу. Не было никакого сомнения – она подмигивала музыканту.

А надо сказать читателям, которые не жили в те незапамятные времена, что так подмигивали молодые люди друг другу неспроста. Таким вот подмигиванием тогда можно было назначить свидание и точно обозначить время и место встречи.

Так вот, теперь Карл знал, что должен быть на площади ровно в шесть часов вечера, а там...

Сердце готово было вырваться из груди и пуститься вскачь навстречу прекрасной незнакомке. Карл снова зажмурился, чтобы проверить, не видение ли это. Но девушка с коралловым ожерельем и таким же цветом губ, буквально растворилась в толпе.

Карл ждал вечера целую вечность. И когда большая минутная стрелка ратушных часов остановилась за пятнадцать минут до двенадцати, а маленькая упала в изголовье шести, Карл, словно дисциплинированный часовой, уже стоял в условленном месте. Прошла бездна времени и наконец-то ратушные часы пробили шесть раз. Из-за поворота выехала карета, и Карл сразу же догадался, что она по всем признакам принадлежит прекрасной незнакомке, а значит девушка с кораллами никто иная как принцесса Клара, известная в королевстве ценительница всего прекрасного.

Шестерка лошадей, в которую была запряжена карета, остановилась рядом с Карлом и ему оставалось только шагнуть внутрь кареты, тем более, что перед ним гостеприимно распахнулась украшенная королевским гербом золоченая дверца.

Карл поправил на плече мешок, где лежал футляр с кларнетом, с которым он никогда не расставался, и сделал шаг навстречу первому в своей жизни романтическому свиданию.

В карете сидел усатый офицер свирепого вида, который резко сорвал с плеча Карла мешок и ударил музыканта в грудь так, что Карл буквально сто раз перевернулся в воздухе, прежде чем, остался неподвижно лежать, на вымощенной камнем мостовой.

Очнувшись, Карл заплакал. Он плакал от боли, бессилия и обиды, а главное – он хорошо понимал, что без кларнета ему не остается ничего другого, как упасть в канаву у дороги и умереть. Еле поднявшись, Карл по-стариковски закричал и отправился в кофейню, где он завтракал последние тридцать лет. Хозяин кофейни, услужливый толстячок Якоб, любил Карла за его талант и скромность, а вовсе не потому, что тот был его постоянным посетителем. Увидев Карла у себя в кофейне в столь неурочный час и в таком «помятом» виде, Якоб подскочил к нему и помог усесться.

Карлу пришлось рассказать обо всем, что с ним приключилось.

– Ай-яй-яй, Ай-яй-яй, Карл, – запричитал Якоб. – Что же теперь будет? И зачем ей понадобился твой кларнет?

Ни опытный во всех житейских вопросах Якоб, ни тем более простодушный Карл, ни на минуту не сомневались, что все это дело рук принцессы Клары, первой красавицы королевства, меломанки и собирательницы предметов старины.

– Какой скандал, какой позор! Клара у Карла украла кларнет, – продолжал Якоб, – и вот так всегда: им развлечения, а нам горе луковое. Ой, кстати, Карл, ты наверное, голоден. Поешь моего лукового супчика, а там мы с тобой что-нибудь придумаем.

Якоб принес Карлу миску с дымящимся, аппетитно пахнущим луковым супом и сухариками из ржаного хлеба.

Через несколько часов, в опустевшей кофейне, Карл и Якоб уже разрабатывали план поиска и возвращения кларнета его законному владельцу.

– Какое невиданное вероломство с ее стороны, я даже предположить не мог, что все так обернется, – извиняющимся тоном простонал Карл.

Якоб язвительно парировал:

– А что ты думал, она тебя в карете повезет к папочке, и будет умолять короля благословить вас из-за ее любви к искусству?

– Ничего я не думал, – печально ответил Карл.

– Ну ладно, бодрее, мой друг. Мы вернем твой кларнет и пусть эта мерзавка не думает, что с нами можно вот так бессовестно поступать, – раздухарился хозяин кофейни.

– Но как? Как мы это сделаем? Королевский дворец окружен парком, который охраняют злющие псы, а вход в парк – вооруженные до зубов стражники, – сказал Карл с нескрываемым отчаянием.

Якоб закрыл своей ладонью рот Карла и зловеще прошептал:

– Кофе!

– Что кофе? – спросил Карл, освободившись от ладони разгоряченного друга.

– Кофе со снотворным – лучшее средство, чтобы обезоружить любую охрану.

– Ну, хорошо, а собаки? Они же откусят мне голову, как только я пересеку границу королевского парка?!

– Слушай меня, Карл, – Якоб продолжал заговорщически шептать. – Собаки, конечно, кофе не пьют. Но зато я знаю одно старинное заклинание, перед которым не устоит ни один пес.

– Какое заклинание? – Карл затаил дыхание.

– А вот какое, запоминай хорошенько. Это я тебе по старой дружбе говорю. Якоб с шумом набрал побольше воздуха и протараторил:

– Кошка сдохла, хвост облез, кто залает, тот и съест.

Вот увидишь, собака после этих слов не только не кинется на тебя, но сбежит как ошпаренная. Подумай сам, какой собаке понравится перспектива иметь дело с дохлой кошкой? Фи!

– Логично! – просиял Карл. Здорово! У него сразу посветлело на душе, будто бесценный кларнет был уже возвращен.

– Когда идем? – спросил Карл.

– Немедленно! – ответил Якоб. – Только вот сварю кофе, и в путь!

Не прошло и часа как дело было сделано: королевская стража, усыпленная кофе, мирно похрапывала, а собаки, охранявшие королевский парк, заслышав, что им предлагают отведать дохлой кошенины, жалобно заскулив, разбежались по кустам как кролики. Оставалось взобраться по веревке на второй этаж, где находилась спальня принцессы, тем более, что дверь балкона, расположенная рядом с будуаром ее высочества, была распахнута настежь.

Якоб остался внизу, а Карл начал взбираться по веревке вверх. Заговорщики действовали в кромешной тьме, на небе не было ни одной звезды, ни тем более месяца, ведь сегодня ночью Карл занимался не своим привычным делом. Избалованные звезды – замарашки капризничали и беспомощно вздыхали:

– Ну где же этот Карл? Где его носит? Кто приведет нас в порядок? Кошма-а-р!

Побледневший Месяц, который уже готовился стать Луной, зашикал на них:

– Тише! Не трещите, сороки. Лучше посмотрите вниз, нашему Карлу, по-видимому, нужна помощь. Он что – то ищет, но никак не может отыскать. Найдется ли среди вас хоть пара звезд, которые могли бы ему посветить?

Самая крупная из всех Полярная звезда откликнулась на призыв месяца:

– Пожалуй, я еще не совсем закоптилась, хотя Млечный путь весьма постарался, а эти ужасные пылевые бури на Марсе? А Угольный мешок? Я уж не говорю о туманности Андромеды и метеоритном дожде.

– Ну, хватит, потом разберемся, не время сводить счеты, – оборвал ее Месяц. – Давай, свети, толстушка.

– Кто?! Я?! Я – толстушка?! – вспыхнула Полярная звезда, возмущенная таким эпитетом.

Но этой короткой вспышки гнева вполне хватило, чтобы Карл, который уже находился в спальне принцессы, увидел на столике рядом с ее кроватью драгоценный футляр, в котором он хранил кларнет. Теперь дело можно было считать почти законченным. Карл мигом схватил своё имущество и в мгновение ока они с Якобом оказались в кофейне.

– Ого-го! Вот так – так! – ликовал Якоб, – Нас на мякине не проведешь.

– Пир! Пир! Закатим пир в честь такого события, дружище! Ты отдышись, а я на кухню. Сейчас сооружу что – нибудь необыкновенное: а-ля-тру-ля ля на скорую руку. Якоб поскакал в царство кастрюль, а Карл еще не веря своему счастью, что все так скоро и благополучно завершилось, ласково погладил поверхность сафьянового футляра. Он решил достать кларнет, и на радостях исполнить торжественный марш. Карл раскрыл футляр и тут на него напал столбняк. Вместо вожаемого кларнета внутри лежало коралловое ожерелье принцессы Клары.

В это время на кухне, ничего не подозревающий Якоб, летал среди сковородок и мурлыкал себе под нос одну и ту же почти музыкальную фразу:

– Клара у Карла украла кларнет, украла кларнет, украла кларнет.

На кухню зашел Карл и с потерянным лицом допел за Якобом:

– А Карл у Клары украл кораллы, украл кораллы, украл...

Якоб заглянул внутрь футляра, и выронил из рук поварешку.

– Ой! Как они здесь... ок-ка-ка-зались?

– Не знаю, я ничего не понимаю, я не хотел...

Карл не успел закончить начатой фразы, как в кофейню ворвался отряд королевской гвардии. Карлу заломили руки за спину и увели в тюрьму. А утром следующего дня на ратушной площади был оглашен королевский указ о казни Карла виновного в краже кораллового колье принцессы Клары. Глашатай орал во все горло:

– Карл у Клары украл кораллы. За это ему не сносить головы. По повелению принцессы Клары казнь состоится завтра! Увы!

Слово «Увы» глашатай впледел сюда вовсе не из сочувствия к Карлу, а всего лишь ради рифмы: увы – головы. Красота и порядок! И не к чему придираться.

Якоб был настолько ошеломлен, что по ошибке допил тот самый кофе, который остался после их так неудачно закончившегося штурма королевской спальни.

Теперь Якоб спал и не ведал, что в темнице узнику Карлу уже огласили приговор суда.

Оставалась только одна формальность: исполнить последнее желание смертника, которое считалось священным и выполнялось всеми королями неукоснительно.

И тут Карл попросил, чтобы перед тем, как ему, безвинно пострадавшему, отсекут голову, народу было бы объявлено о том, что прежде Клара у Карла украла кларнет, а уж потом Карл, чтобы восстановить справедливость, украл у Клары кораллы.

Карл теперь хотел только одного – спасти свое честное имя.

Королю передали об этом последнем желании преступника, которым нельзя было пренебречь, и король потребовал привести Карла в королевские покои.

– Ты должен немедленно отказаться от своего желания или изменить его, – властно потребовал король.

– Ни за что! – С металлом в голосе отчеканил Карл. – Я его не изменю, чего бы мне это не стоило.

Король удивленно взглянул на музыканта и развернул свиток, где было записано его последнее желание.

– Эгоист! Ну, это же невозможно произнести. В какое положение ты ставишь глашатая, он же непременно собьется, читая это. Все будут смеяться над ним и его придется разжаловать в солдаты.

«Клара у Карла украла кларнет, а Карл у Клары украл кораллы» тьфу, ну вот видишь, сколько раз я сбился. Ужас!

– Ничего, – сказал Карл, – нужно произносить эту фразу, слегка растягивая слова, и тогда никто ни за что не собьется.

И он громогласно продекламировал:

– Клара у Карла украла кларнет...

– Замолчи! – оборвал Карла король. – У тебя нет сердца! Ну, ничего, скоро не будет и головы. Такое говорить про девушку. Её же никто после этого в жены не возьмет!

– А зачем она вообще его украла? Вы об этом не задумывались? – спросил короля Карл.

– Нет! – ответил король, – мне вообще некогда заниматься такими глупостями. У меня и так дел невпроворот. И что ты заладил: украла, украла... Запомни, что для простолюдина «украл», то для нас – королей просто «взял». Захотел и взял. И потом, хоть бы и украла что –нибудь полезное для дома, а то подумаешь, великая ценность – кларнет, деревяшка с дырками.

И тут в королевскую залу вошла принцесса Клара с кларнетом в руках и коралловым ожерельем на шее.

– Это не простая деревяшка, папа, ты не прав, – сказала Клара печальным голосом.

– И я не права, что похитила кларнет у Карла. Да ещё таким вероломным образом. Я была так очарована его звучанием, что подумала будто это кларнет волшебный, и я смогу также как Карл заставить его извлекать неземную музыку.

– Вот видишь, Карл, – сказал король, всхлипывая. – Какая у моей дочери тонкая натура. Ни стыда у тебя, ни совести. Сравнил свою никчемную дудку с бесценными кораллами ее высочества. Они достались ей еще от моей прабабки.

– Мне не нужны были кораллы, я и не собирался их красть.

– И это говорит человек, которого поймали с поличным! Каков негодяй, – король снова вышел из себя. – Немедленно измени свое последнее желание или ты умрешь просто так... безо всякого желания.

И тут заговорила принцесса:

– Папа, пап, отпусти Карла домой. Он – всё-таки великий музыкант, а самое главное – он ни в чем не виноват.

– Ах, какая велико-хитро-мудрая у меня дочь. Действительно! Мы отпустим его домой, и никому ничего не нужно будет объяснять.

Принцесса Клара вернула Карлу его кларнет и произнесла виновато-печальным голосом:

– Мне очень жаль, что все так случилось, простите меня Карл и не помните зла, которое я вам причинила. Стража, отпустите его.

Карл взглянул на прощанье на прекрасное лицо принцессы, которая, оказывается, ценила музыку больше чести.

В отличие от него, хоть он и был простолюдином.

– Обещаю никогда не рассказывать о вашем преступлении, принцесса, будьте счастливы!

Он бережно прижал к груди кларнет, и молча, склонил голову перед королевской семьей.

Поговаривали, что Клара так и не вышла замуж, потому что после этого случая на её некогда прекрасном лице появилось уродливое, чёрное пятно. Несмываемое пятно позора. Она очень его стеснялась и всегда прятала под вуалью.

А добрый Карл сдержал слово. Нигде и никогда он не говорил о том, что принцесса Клара была замешана в краже кларнета, больше того, он взял слово с Якоба, чтобы и тот никому не рассказывал этой печальной истории.

Но **однажды**, ах это «**однажды**», Карл как обычно вышел на площадь давать свой утренний концерт и после очередных аплодисментов и криков «Браво» над окружавшей его толпой прозвучало:

«Клара украла у Карла кларнет, а Карл у Клары украл кораллы» – это был звонкий мальчишеский голос.

Зеваки ахнули, и стократное эхо повторило эту фразу, дошедшую до наших дней в виде безобидной скороговорки. Изрядно смутившийся Карл зря тогда подумал на Якоба.

Это все звёзды. Они всё видят! От них ничего нельзя скрыть.

Звёзды решили увековечить эту историю, тем более, что перед Карлом они были в большом долгу.

«Женщина моей мечты» (идея для кино)

«Кавычки открываются... —

Это обычное словосочетание из школьной грамматики вызвало взрыв смеха и бурные аплодисменты.

— Друзья мои, мы собрались сегодня в этом уютном зале, чтобы снова, хоть ненадолго вернуться к своим истокам. Детство, как мы теперь понимаем, а ведь нам есть с чем сравнивать, это пора — абсолютного, безмятежного счастья... — голос оратора заглушила не к месту зазвучавшая музыка. Так, по-хозяйски, начал работу солист оркестра ресторана «Белый рояль», где проходила встреча одноклассников выпуска 30-летней давности.

На почётном месте, в торце длинного стола сидела седенькая, изрядно постаревшая, блаженно улыбающаяся литераторша, бывшая когда-то по совместительству классным руководителем «звёздного» 10 — «А».

Между собой ребята звали её «Просто Мария».

Мария Ивановна была учителем русского языка и литературы и эти «кавычки» были её фирменным знаком. Она произносила их в любом контексте как слова-паразиты. Любой свой монолог она начинала с незабвенной фразы.

— Кавычки открываются, — говорила она ни к селу, ни к городу, — Белкин, ты почему опять дневник не заполнил?

Со стороны походило на «шизу», но во всем остальном Мария была в пределах нормы. Любила ребят, была с ними в меру строга, но справедлива, и они отвечали ей тем же. Когда Мария Ивановна давала волю чувствам, и словно вышедшая из берегов река, эти чувства переполняли её, то излишки нежности выплёскивались на плечи и головы учеников. В общем, любовь была взаимной и искренней.

Торжественная, вступительная часть ресторанного действа подходила к концу. Оратором был тот самый Белкин, дневник которого вечно выглядел как Золушка-замарашка и, по всей видимости, служил в домашних условиях подставкой под горячее, или может быть, вернувшись с работы родители имели привычку рассматривать дневник во время семейного ужина, оставляя на нём характерные гастрономические следы. Тем не менее, это не помешало

Белкину блестяще закончить в своё время институт культуры, и стать вполне успешным и востребованным тамадой.

Приноровившись, к перекрывавшему его голос музыкальному сопровождению, и взяв на несколько тонов выше, Белкин профессионально продолжил свой спич.

— А теперь, дорогие друзья, внимание! Дорогая, Мария Ивановна! Мне поручено от всех нас, в знак любви и глубочайшего уважения вручить вам этот скромный букет.

Белкин махнул рукой и в зал внесли полутораметровую «Вавилонскую башню» составленную из цветов немыслимой красоты. Позже, Марией Ивановной в недрах букета будет обнаружен ещё и конверт с оплаченной путёвкой на двоих в один из средиземноморских курортов.

Все не сговариваясь, разом ахнули и заёрзали на стульях, а Белкин вдогонку отправил реплику:

— Основной спонсор пожелал остаться неизвестным.

Как по команде, все перевели взгляд на легенду класса — Бориса Стоцкого, который, выразительным, театральным жестом, якобы отводя от себя подозрения, демонстрировал свою абсолютную непричастность к происходящему.

Борис для всех бывших одноклассников был «тёмной лошадкой».

После «выпускного» класс регулярно встречался. Сначала каждый год, позже – каждые пять лет. И друг о друге все знали всё до мельчайших подробностей, даже интимного характера. Но respectable Бориса после 30-летнего перерыва, собравшиеся в «Белом рояле» видели впервые. Поэтому живейший интерес к этой весьма таинственной для всех персоне был вполне объясним. Поговаривали, что после окончания школы он отбыл за кордон, где учился, делал карьеру, в области которая ни у кого не вызывала сомнения, так как он был сыном довольно известного ещё в советские времена дипломата. Скорее всего, папины связи и возможности распахнули перед Борисом двери в большой мир, где он, припеваючи, по всей видимости, и живёт, по сей день.

Навсегда оставшиеся на родине свидетели его юности знали только это и ничего более конкретного...

Но настоящей легендой школы был даже не Борис сам по себе, а их монолитный тандем с Глебом Галибиным. Их звали Аяксами, розовощекими неразлучниками (как породу попугаев), а ещё чаще просто – Борисоглебском. Как название города, навсегда вобравшего в себя два этих имени.

Они были классическими антиподами. Разбитной, вальяжный, искромётный, с умопомрачительной для девиц внешностью, всегда одетый в дефицитные, недоступные для многих сверстников шмотки, язвительный и заносчивый внучок бывшего члена правительства – Борис был второй половиной сдержанного, скромного, подтянутого, нарочито вежливого, всегда и со всеми одинаково ровного в отношениях, застёгнутого на все пуговицы выходца из профессорской семьи – Глеба.

Глеб на фоне Бориса имел внешность обыкновенную, не столь ярко окрашенную. Но его всегда сосредоточенное на какой-то внутренней работе, с почти полным отсутствием мимики лицо, на котором всегда светилась мягкая, ироничная улыбка и умные, ясные глаза, отражавшие душевные глубины, делали его не менее привлекательным.

Школьная дружба Бориса и Глеба были притчей во языцех. Оба блестяще и легко учились. Широта их кругозора, знаний и способностей была поводом для зависти окружающих не меньшим, чем положение их семей. Но самым непостижимым казался тот факт, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не ссорились. Взрослых, умудренных жизненным опытом людей – учителей и родителей, поражало их какое-то продуманное, не по годам сознательное, проникнутое взаимным уважением равноправие. Никто никому не подчинялся, один уважал достоинство другого. Всё это напоминало ушедшие в глубину веков, давно забытые непреложные правила рыцарского братства. Казалось, они были созданы друг для друга, и ничто на свете не способно их разлучить. Никто не знал, что эти их отношения ещё в шестом классе были скреплены не писанным, но озвученным уставом. «Ложь – это духовная смерть! Мы уважаем друг друга и говорим только правду и ничего кроме правды. Правда священна и непреложна». Ну, что-то вроде этого сказали ребята друг другу, стараясь на людях сдерживать эмоции, и только уединяясь, горячо и страстно высказывались по поводу того или иного события. Не задевая амбиций, уважая выбор и позицию другого, заранее прощая друг другу все промахи и ошибки, как если бы это сделал человек сам себе. Это вошло в привычку и стало основой их долгосрочных взаимоотношений.

В их уставе было ещё несколько заповедей, но даже и это не было главным.

Венцом их дружбы была тихая радость и щемящая нежность в их сердцах, которую они испытывали встречаясь друг с другом даже после самой непродолжительной разлуки. Эти чувства перебарывали все несовпадения характеров, все острые углы бытия.

Их увлечения были похожи на сход лавины, необъяснимо и без видимой причины, сменявшие и накатывающие друг на друга. То совместное чтение запоем всей современной фантастики от Айзека Азимова до Ефремова. То моделирование летательных аппаратов. То изучение основ философии. То латиноамериканские танцы, гольф и горные лыжи. То освоение

всех существующих видов плавания, включая подводное. То погружение в глубины французского поэтического и живописного импрессионизма. То «Битлз», рок, и джаз, то закрытые просмотры западного модного кино. Список можно было бы продолжить.

Этакий калейдоскоп из замысловатых витражей всех видов искусств и культуры, будто специально для них накопленных человеческой цивилизацией, и сыплющихся, словно из рога изобилия на их буйные, жадные до всего нового, головы.

Вся эта счастливая белая горячка молодости была оборвана в одночасье, в один миг...

Будто корабль, на котором они так долго и успешно совершали свою десятилетнюю кругосветку, на полном ходу, при абсолютном штиле и отсутствии видимых причин, внезапно столкнулся с неизвестно откуда взявшейся скалой. И разбился. Вдребезги.

В тот вечер Глеб был в гостях у Бориса. Его отец привёз из-за границы чудо техники – видео. Фантастика. Можно было смотреть кино прямо дома.

Дмитрий Борисович зашёл в комнату сына во время бурного обсуждения мальчишками только что увиденного.

Предстоял трудный разговор о планах на будущее.

Трудный он был потому, что Глеб – человек принципиальный, всегда и во всем полагавшийся только на собственные силы, намерен был продолжать учёбу только в Москве. В лучшем из университетов мира – МГУ. Эта непоколебимая позиция была сформирована в нём любимым и многоуважаемым дедом, возглавлявшим один из научно-исследовательских институтов, близким другом Курчатова. Не Игоря Курчатова, которого весь мир называл «отцом» советской атомной бомбы, а его брата – Бориса Васильевича Курчатова, который был одним из основателей в нашей стране радиохимии. Вместе с дедом они учились у легендарного Иоффе. Это было предметом особой гордости их семьи. Отец Глеба был тоже учёным с мировым именем и руководил одним из отделов дедовского института, занимаясь вопросами радиоэкологии. И отец, и дед были людьми старой закваски, патриотически-настроенными, ярыми и убежденными противниками утечки мозгов.

– А, кто будет двигать нашу науку? Где родился, там сгодился! – трудно и бессмысленно спорить с мудростью предков. На том стоит, и стоять будет русская земля!

Дмитрий же Борисович предлагал сыну учёбу в Сорбонне, и, разумеется, зная, что для Бориса будет трудно жить вдали от дома и уж почти невозможно без его «сиамского близнеца», как они с женой называли Глеба за глаза, пообещал Борису похлопотать и за Глеба тоже.

Вопрос решился положительно. Об этом он и пришёл доложить юным баловням судьбы. Дело было за малым: они с Борисом должны были убедить Глеба ехать вместе. Борис очень боялся этого разговора, поэтому они заранее сговорились, что отец разделит с ним эту ношу. Но в глубине души Борис надеялся, что Глеб возьмет хотя бы тайм-аут для раздумья, и все, хорошенько взвесив, отбросит упрямство и трезво посмотрит правде в глаза. А Правда была соблазнительно прекрасной – получить возможность не только учиться в одном из престижнейших учебных заведений Старого Света, но и посмотреть мир, выйти на абсолютно новый уровень и в жизни и в карьерном росте после окончания учёбы. Для себя он твёрдо решил ехать в Париж, во что бы то ни стало. Идти на поводу у старорежимного Галибина – старшего он не собирался.

– Ну, что, друзья мои!!! – Дмитрий Борисович старался казаться спокойным и невозмутимым.

Однако излишне бравурные нотки в голосе выдавали его внутреннее напряжение.

– У меня для вас прекрасная новость. Над вашими светлыми головами взошла счастливая звезда. Момент истины настал!

На журнальный столик упали красочные проспекты с фотографиями старинного здания парижской академии.

– Здесь расположен кампус Жюссье. Ну, это, конечно, в том случае, если вы остановите свой выбор на изучении физики в университете Пьера и Марии Кюри. Если же ваш выбор падёт на такие предметы как молекулярная биофизика или микробиология, то придётся ехать в Марсель. Но всё равно, это тоже составная часть великой Сорбонны.

Дмитрий Борисович от волнения говорил слишком быстро, намного быстрее обычного. Ему было досадно, что вместо того, чтобы выслушивать слова благодарности ему приходится уговаривать, не какого-то стоящего туза, а этого желторотика, пусть даже и близкого друга сына, хотя он понимал, что именно от Глеба теперь будет зависеть душевное спокойствие его семейства.

Глеб быстро раскусил трюк с заранее заготовленным экспромтом. Одного беглого взгляда на Бориса ему было достаточно, чтобы это понять.

С плохо скрываемым негодованием, тяжелой тенью, упавшей на его лицо, Глеб взял в руки проспект и, поджав губы, процедил, пристально глядя Борису в глаза: – Так ты едешь?

– Мы едем вместе! – сказал Борис деланно весёлым, но твёрдым голосом.

– Ты уверен? – произнёс Глеб еле слышно.

– А разве может быть иначе?

– ты сделал свой выбор! – утвердительно – хладнокровно подытожил Глеб.

– а ты свой! – заупрямился Борис и в эту секунду понял, что дуэль проиграна. Между ними всё кончено.

Дмитрий Борисович сделал вид, что не обратил внимания на заминку. Он стал ходить по комнате, картинно размахивая руками.

– Друзья мои, это такое везение, которое невозможно переоценить. Вы будете учиться в Сор-бон-не!!! Именно там в своё время учились наши великие соотечественники Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Марина Ивановна Цветаева... Я уже не говорю про...

Глеб резко поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Кивком головы поблагодарил Дмитрия Борисовича и почти неслышно вышел из комнаты. Навсегда.

До окончания школы оставались считанные недели. Для всех они пролетели в экзаменационной агонии. Каждый был занят только собой, и никто в классе не обратил внимания на то, что разделение «сиамских близнецов» уже произошло.

***

В женском туалете ресторана был аншлаг. Половина пришедших на вечеринку, изрядно повзрослевших и видоизменившихся «школьниц», прихорашиваясь, наперебой обсуждали одну тему – внезапно, и неизвестно откуда появившегося Бориса Стоцкого.

Завзятый сердцеед и Дон Жуан 10-А выпал из поля зрения своих одноклассников на три десятилетия и этим самым возбуждал к собственной персоне живейший интерес. Суэта, ажитация и кудахтанье напоминали переполох в курятнике, почувствовавшем приближение лисицы. Пятидесятилетние девочки облепили зеркала, пытаясь всеми подручными способами скрыть издержки возраста.

– Боже мой, Боря такой шикарный! Умереть – не встать! Я таких мужчин только в кино видела. Он просто этот, как его, Пирс Броснан в молодости, ну не в молодости, а там, в зрелые годы..., – прострекотала бывший комсорг класса, ныне менеджер по сбыту Ирина Голубева, уверенными движениями при этом обводя контур поблекших от частого использования губ.

Утянутая в корсет, вся в атласе и блестящих колготках медсестра Таня Фадеева, весьма довольная своим отражением в зеркале, замурыкала в ответ:

– Подтянутый, холёный, одет с иголочки... Гламурный...

– Ой, только не произноси этого пакостного словечка! – скривилась всегдашняя моралистка Люба Брянцева, без пяти минут пенсионерка с солидным учительским стажем.

– Зрассьте, а чё в нём пакостного? —

– Книжки читать надо!

– А причем здесь книжки?

– Гламур в 19 веке – это был стиль борделей!

– Ой, книжница нашлась, да у нас сейчас вся жизнь-бордель!

– Слушайте, а кто-нибудь видел, на какой машине он приехал? – не унималась менеджер по сбыту.

– Девочки, он случаем не какой-нибудь Эмир?

Всё-таки предполагает наличие нескольких жён... – томно пропела Синицина.

– Тебе это не грозит, – пробасила прокуренным голосом бывшая красавица Ольга Жмых.

– Что так? Всё-таки старая любовь не ржавеет. А мы с ним в 9 классе два раза целовались.

– Ну, если так рассуждать, то Боря, как честный мусульманин, должен взять к себе в гарем полшколы, – съязвила Жмых, в одиночку рассмеявшись собственной остроте.

– нет, ну всё-таки, его никак нельзя упустить!

– Девочки, а он женат, кто знает?

– Да о нём никто ничего не знает – засекречен по самое не хочу.

– А у меня вообще такое ощущение, что он пере-квалифицировался, – не унималась гламурная медсестра. – Обратили внимание, как он на Глеба смотрит? Просто как-то не по детски, даже обожания не скрывает. Дырку в нём уже просверлил, хоть на стенку вешай как картину.

– Желтой прессы начиталась. Прямо, все у тебя скрытые гомики!

– Да он просто соскучился. Не допускаешь? – с комсомольским жаром кинулась на защиту Бориса менеджерица.

– А, что они с Глебом так после выпускного так ни разу и не виделись? Совсем? А ты откуда знаешь?

– С ума сойти. Были просто, не разлей вода. Нитка с иголкой, Борисоглебск, одним словом, а потом – бац, и вот так расстаться на веки вечные... уму непостижимо.

– Жизнь есть жизнь. Она всё и всех расставила по своим местам. —

Жмых сбросила в преисподнюю солидной косметички использованное по назначению содержимое. После чего, надев на нос очки, и пододвинувшись к зеркалу вплотную, с недовольным видом стала рассматривать результат боевой раскраски.

– Свет, а ты чё молчишь? Ты ведь из всех нас – первая претендентка. Сколько Борька по тебе страдал? Так, что у тебя больше шансов, – продолжила битву доморощенных экстрасенсов детсадовский психолог Томка Милешина.

Сохранившая стройность фигуры одноклассница, единственно стоящая к зеркалу спиной, с нескрываемой иронией произнесла:

– Когда это было? В прошлой жизни?

– А чё ты нас хоронишь-то раньше времени?! В женщине возраст вообще не главное. – Взбунтовалась медсестра.

– А что главное? Диссертация? Зарплата? Кулинарные способности?

– Энергия! Самодостаточность! Уверенность в своей неподражаемости...

– Ну, вот и люби саму себя. Мужу на фиг твоя самодостаточность нужна? Тем более такому.

– А чё, Борик мужик как мужик! Те же комплексы. Ему немного подпоёшь и делай с ним, что хошь!

– Ага, только это песенка не про мужика.

– а про кого?

– Про дурака.

- а какая разница?
  - Так, курятник, перемещаемся в зал. С Борькой танцуем в порядке живой очереди.
  - А может лучше по алфавиту?
  - А я уже 20 лет как не Яновская, а Агеева, так что из конца списка в начало переместилась. С меня и начнём.
  - Нет уж, как были в классном журнале записаны, так и пойдем.
  - Ага, а записываться прям щас? Давайте ещё посчитаемся: На золотом крыльце сидели...
  - Девочки, вы бы себя со стороны послушали. Дурдом «Ромашка» группа «Солнышко».
  - Ой, какие вы все злые, девочки. Прям мигеры.
  - Камон, омон. Группа захвата.
  - Так, улыбаемся! Животы втянули! Грудь накатили! От винта!
- Жмых затряслась от грудного хохота, перешедшего в надсадный кашель. Глаза размазались и ей пришлось задержаться в туалете для реконструкции макияжа.
- Для меня там кусочек оставьте! – крикнула она вслед упорхнувшей в зал стае товарок.
- Бенефис Стоцкого был в самом разгаре. Один за другим к нему подходили бывшие одноклассники. Интересовались «за жизнь». Но по нынешним временам все понимали, что сейчас никто особенно своими достижениями не хвастается. Наоборот. У нас, как и принято было на Западе, такие вопросы тоже уже считались моветоном. Натренированный за бугром, бывалый Борис без труда парировал намёки или лобовые вопросы, относительно карьеры и доходов. Отшучивался.
- Я слишком умён, чтобы учиться, и слишком красив, чтобы работать!
- А особенно наседавшему Хусаинову, предусмотрительно отведя подальше от посторонних ушей, доверительно, заговорщически заявил:
- Понимаешь, старик! Торгую на Елисейских полях антиквариатом, вывезенным ещё первой волной белой иммиграции. Товар уходит по баснословным ценам и пользуется успехом исключительно у восточных гостей – постсоветских нуворишей. Если хочешь, они, таким образом, восстанавливают историческую справедливость, возвращают на Родину предков материальные и духовные ценности. Мне приятно, а тебе?
- Не на шутку озадаченный, пытающийся осмыслить практическую ценность полученной информации, бывший одноклассник на секунду замер.
- Мне тоже! Очень приятно! – не отдавая себе отчета в том, что именно приятного он только что услышал, автоматически пожав руку собеседнику, он покачал головой и растворился в толпе соискателей Бориной аудиенции.
- Профессионал Белкин вернул всех в исходное положение, занимаемое за столом, и возлияния Бахусу, с соответствующими тостами продолжились с заметным ускорением.
- Борис, склонившись над своей тарелкой, вполголоса заметил сидящему рядом Глебу:
- Было бы правильней начать сегодняшний вечер с моей презентации и коротенько, минут на сорок представить рентгенограмму моей жизнедеятельности за истекшие десятилетия. Как считаешь?
  - Пожалуй! Странно, что ты вообще материализовался...
  - Ты не рад?
  - Рад.
  - Не ожидал?
  - Отвык.
- Минутную паузу в диалоге прервал Борис.
- Жалею, что поддался соблазну увидеть свою разом постаревшую юность. Жутко. Как в детском аттракционе «Пещера ужасов». Разжиревшие, обрюзгшие, сморщенные... – паноптикум, карнавал масок.
  - Ну, не у всех же есть личный массажист. А за масками ничего не видишь?

- Всё вижу, и хочется проснуться. Разбуди меня.
- Всегда получаешь то, что хочешь?
- Стараюсь! Ну, так как, насчет, смыться отсюда?
- незаметно не получится...
- выходим курить на улицу.
- я не курю, все знают.
- зато я курю, и никто не знает...

положись на меня

- уже положился

Напротив Бориса и Глеба сидела дальноточная Милита Дангаузер. Нарочито громко, дождавшись, когда дуэт смолк, затянувшись пахитоской, она произнесла захмелевшим голосом:

- Борис Дмитрич, а ты что, намылился слинять? Я по губам читаю.

Милита была до неприличия располневшей дамой. Процесс курения дополнялся поеданием высококалорийного десерта.

- Милиточка, а ты что-нибудь слышала о вреде холестерина?

Борис решил деморализовать нагло возникшую помеху. – На Западе все просто на нём помешаны.

- Да знаю я это всё. Я устала уже с ним бороться и решила сочетаться с ним законным браком.

Не слышавшая начала разговора Ирка Голубева тут же встряла:

- Ты, что опять замуж собралась? В четвёртый раз что ли? Кто этот несчастный?
- Да мы не об этом сейчас, партайгеноссе, Ира. Что за манера совать нос, куда не просят!
- Подумаешь, тайны мадридского двора, – обиделась бывший комсомольский лидер,

и принялась заедать обиду порцией шоколадного мороженого.

- А я теперь часто повторяю всем, кого люблю и желаю всех благ, – продолжил свой отвлекающий маневр Борис, – Займись своим телом, детка, или Тело займётся тобой! Так что смотри, дорогая, помнишь как Илья Ильич Обломов кончил?

Уловив в сказанном двусмысленность, бывший сосед Милиты по парте, пристроившийся и теперь рядом с ней за столом, Пашка Денисов заржал, словно племенной жеребец.

Полу пьяненькая Милита зло цыкнула на него, призывая к порядку.

- Грубо, Павлик. Очень грубо! А ты, Боря, если намекаешь на апоплексический удар, то вот, что я тебе скажу, голуба моя, – в преддверии апокалипсиса бояться апоплексии всё равно, что во время кораблекрушения жаловаться на морскую болезнь.

– Очень образно, Милиточка! И какая игра слов! Апоплексия и апокалипсис – очень похожи, не находишь? Кушай на здоровье, лакомка.

- Ну, то-то же! Не можете не кусаться!

– Каюсь, грешен! Каюсь!

- Ой, батюшки светы, мир перевернулся, Борик Стоцкий кается. Светопреставление какое-то!

Борис перехватил на себе плотоядный взгляд сидящей наискосок пышнотелой Светланы Градской.

Оценив выразительность её многообещающего декольте, Казанова 10 «А» еле слышно процедил:

- Щас проглотит!
- Что? – переспросил Глеб.
- Светка Градская, по-моему, всерьёз намерена меня сожрать.
- Боишься?
- Да нет, просто я сам хищник, люблю процесс охоты больше победы над жертвой...

Сфокусировав взгляд на Светкином декольте, как на мишени, Глеб равнодушным голосом заявил, —

– А что, хороша!

– Вызывающе хороша. И уже готова к употреблению. Рыба в тесте!

Тамада Белкин, по имеющейся заранее договоренности, объявил сюрприз от Бориса Стоцкого. Борис с Глебом под этим прикрытием вполне легально ретировались якобы для приготовления. В зале приглушили свет и из-за кулис небольшой сцены, где обычно проходили выступления артистов эстрады развлекающих ресторанный публику, спустя какое-то непродолжительное время вышел Дед Мороз. Все расхохотались – на дворе конец мая – а в «Белом рояле» Новый год. Из зала послышались выкрики: Боря, как ты быстро переоделся, а Глеб у нас, что Снегурочкой будет? Под непрерывающийся хохот и всеобщее оживление, на сцену вышли ещё штук пять – шесть Дедов Морозов. Они вынесли увесистые картонные ящики, из недр которых торчали упакованные в целлофановые пакеты подарки для сидящих в зале одноклассников. Под рождественскую музыку молчаливые, по-солдатски серьезные, новогодние «сказочные персонажи», по-деловому обнесли одариваемых. Каждая женщина получила набор парфюмерно-косметических средств французского производства, каждый мужчина – джентльменский набор из коньяка, вина и галстука той же страны-производительницы. По прищипыванию, раздававшемуся то здесь, то там, было понятно, что весомость качества и стоимости подарков превосходит разумные пределы понимания простого обывателя.

– Ну, не фигу себе, Боря!!! Гарун аль Рашид!

У девочек духи оказались разными. И тут начался лихорадочный процесс обмена фирмами: Ив сен Лоран на Шанель, Пака Рабана на Ива Роше, Лагерфельд на Нину Ричи. И так до бесконечности.

У мужской половины, среди, ещё не до конца опьяневших её представителей, была та же песня.

– На фигу мне вино, я его ващщщще не пью.

Да, смотри на этикетку, это же знаменитое бургундское «Кот-дю-Рон».

– Да, хоть пёс. Не пью я его! Вино, оно и в Африке вино!

Ресторанные посиделки превратились в восточный базар.

По дороге к машине Бориса, поддавшись воле волн житейских обстоятельств, Глеб просто плыл, не раздумывая и ничего не обсуждая, как «ёжик в тумане».

По части организации, когда-то их совместных выездов, Борис был большой мастак. Глебу хотелось уединения, и он знал, что Боря хочет того же, и заранее всё продумал. Их отступление было тому ярким подтверждением.

Будь Глеб не в столь расслабленном состоянии, он непременно бы заметил, что когда они садились в серебристый «Ауди» Бориса, в нескольких шагах от них, слаженными, выверенными движениями, словно щелчки затвора, упаковывались в недра «Геленвагена» личные охранники его друга. Былинные богатыри были все как на подбор крепкие, и сложением и лицами напоминали деревянных солдат Урфина Джуса.

Уже в машине Глеб с рассеянной интонацией спросил:

– Интересно, что там, в «Рояле» происходит?

– Так, чисто символическая компенсация за разбитые надежды, – ответил Боря, заводя мотор.

Откровенно говоря, ни одному, ни другому не было до этого никакого дела. Так, привычное заполнение словами образовавшейся пустоты.

– Куда едем? – для проформы спросил Глеб.

– Увидишь, – отрезал Боря, срываясь с места.

Их сердца снова стучали в унисон. И каждый чувствовал это. Они очень любили молчать в присутствии друг друга. Это был самый захватывающий и выразительный внутренний диалог истосковавшихся друзей.

Каждый думал о своём и в то же время об общем. О жизни. О разлуке.

Борис вспоминал, как в первое время просто с ума сходил от разрывающей изнутри, почти физической боли. Будто их с Глебом хирургически, скальпелем по живому разделили, и кровоточащая рана, никак не желает заживать. Он тогда вдрызг разругался с родителями. Сразу же после выпускных экзаменов, проигнорировав выпускной вечер, уехал в Париж. В университете, пока присматривался, привыкал, втягивался, боль немного притупилась. Но даже тогда, когда он пустился во все тяжкие, а потом мучительно выкарабкивался из трясины чуть ли не поглотившей его, он не переставал тосковать по Глебу. Саднившая, ноющая боль навсегда поселилась в его сердце. Казалось бы, – преуспевающий бизнесмен – весь мир был у него в кармане, красоты и духовные богатства цивилизации были брошены к его ногам. Но этого Бориса было мало. У него не было Глеба.

Из своего далека Борис следил за успехами и карьерным ростом духовного брата. И знал, что Глеб был уже много лет женат на однокурснице, растил сына. Занимался прикладной физикой и биохимией. Талантливый учёный, доктор наук, без пяти минут член —корреспондент. Но время для российской науки остановилось, и отсчитать эти пресловутые пять минут теперь не было никакой возможности. Лаборатория, где Глеб занимался своими разработками, была закрыта, да и сам, НИИ, где Глеб с женой Серафимой провели лучшие годы жизни, стал беспризорным, и словно шагреновая кожа сжался до размеров носового платка. Всё было пущено насмарку, под откос. Вся жизнь. И только теперь, вынужденные заниматься вопросами элементарного выживания, вечные бессребреники, рыцари науки Глеб и Серафима обнаружили свою абсолютную непригодность к жизни.

По каким-то необъяснимым законам телепатии Глеб думал сейчас о том же самом, что и Борис. Только он знал продолжение этой истории. Непригодность к жизни, которую было принято приписывать обоим супругам, была исключительно его уделом. Серафима, как мать и жена, хранительница домашнего очага, видимо не имеющая права расслабляться в период экстремального существования, продемонстрировала чудеса находчивости и стойкости, в отличие от него самого. Фима была химиком от Бога. Лучшая на курсе, гордость профессора Пастухова, но в период всеобщей мобилизации деятельной части страны, занялась торговлей. Она продавала посуду из полимеров, производителем которой была одна из скандинавских стран. Посуда на вид напоминала одноразовую, а реализовывалась по цене музейных раритетов. Глеб не вдавался в подробности процесса «сбагивания» товара, удивлялся открывшимся новым талантам жены, называл всё это втюхиванием, брезгливо морщился.

Обычная «сетевуха», – один из видов успешной торговли, помогающих удержаться наплаву в системе жёсткой конкуренции. Капитализм одним словом», – говорила Серафима, и надёжно защищённая сознанием нужности своей миссии, одетая в броню обстоятельств, не страдала интеллигентской рефлексией.

А может быть, ему это только так казалось.

Тем не менее, именно Фимина торговля выручала их – не давала семье голодать.

Символической зарплаты Глеба не хватало даже на оплату квартиры.

С недавних пор Серафима озаботилась идеей – во что бы то ни стало сделать операцию на сердце их сыну Стасу, и непременно за границей. Мальчик с детства страдал врожденной аномалией – двойной сердечной хордой. По-научному, диагноз назывался параксизмальной тахикардией. Парень был студентом МГУ, того же факультета, что когда-то родители. Был подвержен быстрой утомляемости, вечно бледен, освобождён от физических нагрузок и занятий спортом, кроме плавания и то, в целях профилактики участвовавших с недавних пор приступов. Стас был категорически против операции вообще, Серафима была категорически против

операции в России. Глеб был категорически против всяческих обсуждений этой темы, денег всё равно не было ни на то, ни на другое.

Борис в сегодняшней жизни Глеба появился внезапно, словно молния, сверкнувшая не на небе, как ей и положено, а по потолку квартиры, прямо над головой Глеба. Раздался звонок. Тот самый судьбоносный звонок Бориса, разделивший жизнь Глеба на «до» и «после».

ЕГО голос совсем не изменился. Интонация была такая, будто они расстались только вчера. Глеб, ошарашенный неожиданным явлением пропавшей 30 лет назад грамоты, отвечал односложно.

– Привет! – зазвенело в трубке.

– Привет! – отозвался Глеб скорее по инерции.

– Надеюсь, узнал, – не дожидаясь ответа, отчеканил Борис. – Я в Москве ненадолго – от силы неделю. Приехал установить отцу памятник.

– Какой памятник? Где?

– На могиле. В прошлом году похоронил его.

– Почему не позвонил? В прошлый приезд. – Глеб начал приходить в себя. – Дал бы знать, я бы чем-нибудь помог.

– Да чем тут поможешь? Не мог я тогда позвонить. Не в себе был, понимаешь?

– Понимаю. Да.

– У нас в субботу вечер встречи выпускников, хочу разом повидать всех наших... ты придёшь?

– конечно!

– а потом заведемся куда-нибудь, не против?

– а сейчас тебя нельзя повидать? Заезжай к нам в гости, с женой и сыном познакомлю.

– прости, Глеб, дела. Освобожусь – и я весь твой. Только на нейтральной территории.

Не хочу обременять твою супругу лишними хлопотами. В общем, до встречи!

– хорошо. До субботы. Может заехать за тобой?

– Да нет, нет, не надо! Встретимся на месте. Пока.

– Пока.

Разговор ни о чём «привет – пока». Вспышка молнии.

Сердце заклокотало возле горла.

– Фима у нас есть что-нибудь выпить?

– Кто это звонил?

– Он.

– Кто «он»?

– Боря.

– потенциальный долгожитель – лёгок на помине.

– Что?

– сто лет жить будет, говорю, я о нём недавно думала.

– А почему ты о нём думала? Недавно?

– Да, так.

– Фима, дай мне что-нибудь выпить.

– Коньяк или корвалол?

– Пожалуй, первое!

– на первое – коньяк, на второе – корвалол, на третье – компот...

– компота не надо...

– Глебушка, ты вышел бы из ступора... Ну. Позвонил и позвонил – не с того же света он позвонил

– Не шути так. У него оказывается, год назад отец умер... Дмитрий Борисович...

Фима пошла за коньяком. Они выпили вместе, помянули Дмитрия Борисовича, Глеб рассказал историю с Сорбонной. И снова впал в состояние задумчивости.

Боря, казалось, вынырнул откуда-то из преисподней, из какого-то далёкого, почти совсем забытого детства, а может быть, всё-таки спустился с небес.

Весь следующий день Глеб пребывал в невесомости. Он не чувствовал своего тела. Он летал. Он снова стал мальчишкой. К нему возвращалось ощущение счастья. Боря всегда значил для него очень многое. Вот чего ему не хватало долгие годы! Только сейчас он это явственно осознал – Глеб, оказывается, дышал все эти годы вполсилы. Всё это время, без Бориса, он походил на восковую фигуру «Полпарня», которую видел когда-то в отечественном аналоге театра фигур мадам Тюссо. Парень-акробат, опирающийся на одну руку, с напрочь отсеченной нижней частью туловища. Хорошо, хоть голова у Глеба оставалась на месте. А сердце? Сердце очень скоро после их ссоры с Борей заняла Серафима. Он отчаянно влюбился в Фимочку на первом курсе. Он растворился в ней. При всей её внешней хрупкости, женственности, кажущейся незащищённости, она приобрела над Глебом какую-то абсолютную власть. Серафима заменила Глебу Бориса, отца, мать. Даже любимый дед отошёл на задний, едва заметный план. Очень скоро в их семье Серафима заняла положение лидера. Глеб с радостью исполнял все её причуды. И не тяготился этим. Считая в глубине души себя и жену равновеликими силами. Только в последнее время Глеб стал ощущать, будто остался на берегу, а Фима, оттолкнувшись веслом и правит их лодкой одна. И плывёт себе по реке жизни на встречу с пугающим Глеба, своими глубинами и водоворотами, бескрайним морем. И расстояние между берегом, и увлекаемой бурным речным потоком лодкой, становится всё больше и больше.

В пятницу вечером, накануне предстоящей встречи с Борисом, Глеб ощущал такой прилив энергии, что о ночном отдыхе можно было забыть.

Он словно новобрачный привёл себя в порядок в парикмахерской, хотя обычно его стригла дома жена. Придирчиво перебрал всё содержимое своей полки в шкафу. Выбирать особенно было не из чего. Проверил, в каком состоянии находится его выходной костюм. Оказалось, в удовлетворительном. Вполне. Впрочем, решил, что наденет на встречу всё-таки пиджак с джинсами.

Серафима тоже выглядела помолодевшей. Наверное, радуется за меня. И всё понимает. Отметил Глеб, когда жена летящей походкой, стремительно вошла в его кабинет.

– Ознакомься, пожалуйста! – настойчиво, пресекая любой намёк на отказ, предложила Серафима. На стол перед Глебом лёг увесистый пакет с какой-то документацией...

– А что это? Иероглифы? – нисколько не обрадовавшись и даже почти не удивившись неожиданному подкидышу, ответил Глеб. – Очередной коммерческий проект по реализации товаров восточного соседа?

– В самую точку, дорогой! Твои аналитические способности как всегда на высоте. Ознакомься, потом обсудим.

– Это, что для меня?

– Именно!

– Я торговать не буду. Ничем. Это моя принципиальная позиция.

– Читай, не отвлекайся! – категорично сказала Серафима, выходя из комнаты. Вложив всю силу своего почти гипнотического воздействия на супруга.

– я не знаю японского... – крикнул вдогонку капитулянт.

Душевное состояние не предполагало такого резкого поворота событий. Не хотелось его ничем омрачать. Но, бунт мог обернуться ещё большими неприятностями и Глеб, сделав усилие над собой, превозмог внутренне сопротивление.

То, что он увидел в конверте, его просто ошеломило. Это был комплект документов юридической сделки, образец или оригинал контракта (он так сразу и не понял) с японской фирмой «Тосигами», занимающейся производством андроидных роботов или как это называют гене-

тики между собой – «синтетики». Здесь была изложена подробная информация о технических данных товара. Просмотровые презентационные диски и условия сделки, по которым продавец имеет десять процентов прибыли после реализации... робота-девушки «Айко», стоимость которой составляла... 3 миллиона евро. Глеб автоматически вычислил процент с продажи. Затем сам удивился – зачем он это сделал?! Ещё раз пробежал глазами страницу, где описывались возможности красавицы. (фотография прилагалась). Строение, даже не электро-механическое, как можно было предположить, исходя из его познаний в современной робототехнике, а полное органическое. Андроид, по своим характеристикам, визуально, абсолютно не обнаруживал своего искусственного происхождения. Другими словами, не предупреждённый человек во время общения с данным экземпляром ни за что не поймёт, что его собеседник – робот. Нано технологии в действии. Это было почище самого смелого прогноза его любимого Айзека Азимова, книгу которого под названием «Я, робот» Глеб периодически перечитывал в память о розовой юности.

Глеб опомнился и снова взглянул на конверт. Как это оказалось у Фимы? На конверте он увидел свою фамилию, написанную латинскими буквами – сразу не обратил внимание – на месте обратного адреса был только контактный телефон. Глеб открыл свой блокнот, где были записаны телефонные коды стран и городов. Ждущий согласия в сотрудничестве был, судя по всему, жителем Осако. Япония.

Так, это потом!!! Глеб с увлечением исследователя снова стал просматривать «материалы дела». «Девушка Айко» была с такой интеллектуальной начинкой, что могла дать форы любому младшему научному сотруднику из их института. Обворожительная секси умела поддерживать разговор на темы современной политики, «разбиралась» в вопросах экологии, живописи, театра, классической и эстрадной музыки, включая современные направления и течения, играла в шахматы, сквош, теннис, дартс. То есть, могла стать потенциальным партнёром. Умела готовить (!) блюда европейской и восточной кухни. И, судя по утверждению автора инструкции по эксплуатации робота, девочка занималась любовью настолько виртуозно, что могла служить демонстрационной моделью для желающих досконально освоить Камасутру. В довершении ко всему, потенциального дистрибьютора предупреждали о строгой конфиденциальности будущей сделки. О неразглашении информации, юридической и финансовой ответственности, и прочих запретительных мерах, будто речь шла о сверх засекреченном стратегическом объекте.

К документации были приложены 2 диска. Один из них, презентационный. Тут ему пришла в голову мысль, что всё это всего лишь розыгрыш, ничего общего с реальностью не имеющий. Сел за компьютер и начал просмотр диска.

Просмотр материализовал в определенной степени всё, о чём он только что прочёл. Причём, видеоматериал был скомпонован таким образом, что зритель до последнего момента терялся в догадках, кто именно из девушек участвующих в съёмках – андроид. Глеб отказывался верить в очевидное. Оно было невероятным!!!

Если это какой-то подвох, то кому и зачем нужно таким изощренным способом его разыгрывать?! Неужели Борис? Глеб решил не мучиться догадками, а выяснить у жены.

- Ну, как? – спросила Серафима тут же откликнувшаяся на его призыв.
- Что это? – Глеб кивнул на пакет и его содержимое.
- Работа!
- Откуда?
- От верблюда!
- Очень смешно!
- Какая разница! Его Величество Случай!
- Веский аргумент для учёной дамы.

– А ты не вдавайся в излишние нюансы... Главное, у нас появился реальный шанс заработать деньги – сделаем Стасику операцию, купим приличное жильё где-нибудь на берегу Средиземного моря.

– Фима, очнись, ты делишь шкуру неубитого медведя...

– Так убей его!

– Кого?

– Медведя! Ты у нас, в конце-то концов, мужчина или я?!

– Фима, ты сошла с ума? Кому мы можем предложить за 3 миллиона евро купить куклу из японского секс шопа? Соседу по даче Григорию Кузьмичу? Он тут недавно интересовался у меня, правда ли, что «Виагра» помогает при сексуальном бессилии. Это в его-то 68 лет?

– Трудности переходного возраста, пройдёт!

– Фима, ты не ответила на мой вопрос: кому мы это можем предложить?

– А ты подумай! Подумай!

– И думать не хочу, нет у меня среди знакомых подпольного Корейко...

– Есть, только им не нужно в новых политических условиях развития страны изображать из себя голь перекатную, стойков... Они у нас все в добровольном изгнании – гниют себе на Канарах или задыхаются в загазованном Лондоне...

– Если ты о Борисе, то я, и ты это прекрасно знаешь, не сделаю это ни при каких обстоятельствах. Я не буду предлагать ему эту гадость.

– Ну, не будь ребёнком, и не строй из себя херувимчика.

– Фима!

– Ну, конечно! Ты в его глазах такая глыба, такой матёрый человечище... такой цельный, принципиальный... непоколебимый

– откуда у тебя взялся этот контракт?! – зловеще прошипел Глеб, – И почему именно сейчас, когда появился Борис, о финансовых возможностях которого мы ничего не знаем...

– или не хотим знать?! – огрызнулась Фима.

– Ты это серьёзно? Ты понимаешь, на что меня толкаешь? Я заработаю проценты от покупки Борисом этой... Кто Я после этого?

Глеб никогда не выходил из себя, старался не давать волю нервам, но тут его будто прорвало и он чувствовал, что перестаёт владеть собой.

– Да, а кто – Ты? Отец семейства. Ответственный человек, который думает не только о себе и своём хрупком внутреннем мире, а ещё и о нас с сыном. Или мы уже ничего не значим в твоей жизни?

Секунду помолчав, Серафима сказала, сильно понизив голос —

– Да и откуда ты знаешь, может быть Борис откажется, и ты, то есть мы ничего не получим.

Глеб обрадовался этой мысли.

Но тут же представил нестерпимую муку. Которую он должен испытать, предлагая Борису Это.

Серафима поняла, о чём Глеб подумал. И стала добивать его, произнося внушающим, вкрадчивым тоном:

– Но сейчас у нас есть этот шанс, понимаешь, шанс. Надежда выплыть. Вырваться. Из этого нескончаемого, замкнутого круга тупого зарабатывания... на никчёмное существование... Это гадость, – кивнула Серафима в сторону контракта, – а такая жизнь – не гадость?!

Вдруг Серафима тихо-тихо заплакала. Закрыв лицо руками, и бессильно съехав по стене, она опустила свою невесомую фигурку на пол.

Глеб бросился к ней и стал умолять успокоиться. Он не переносил слёз. Ни детских, ни женских. Это было выше его сил.

Серафима после примирения тихим, спокойным голосом рассказала, откуда у неё взялся этот злосчастный контракт. Оказалось, что она в своей дистрибьюторской конторе познакомилась с одной вдовой работника нашего посольства в Японии. Вдова тоже делает свой посреднический бизнес – связи-то сумасшедшие.

– А зачем тогда мы ей, если у неё связи...

– да это я упростила её сделать для нас, что-нибудь стоящее... она давно рассказывала мне об этом контракте. Но я-то понимала, что это не для нас. А тут как раз твой Борис...

Ну пойми, что тебе стоит?... я знаю, знаю, что... только как же?

– Ну, ладно, хватит! Я же обещал.

Глеб взял со стола ещё один диск из комплектации контракта.

Ты это видела?

– А что это?

Глеб протянул ей кофр. На DVD кассете был записан фантастический фильм режиссёра Стива Де Джарнатта «Черри – 2000». С Мелани Гриффит и Дэвидом Эндрю в главных ролях. Фильм был старый – 1987 года.

– нет, не видела

– я тоже!

И Глеб предложил посмотреть фильм вместе.

Действие картины происходит в 2017 году. Бизнесмен Сэм Тредвелл огорчается из-за поломки жены – робота. У андроида модели «Черри-2000» вышли из строя блок памяти и процессор. Сэм отправляется в довольно дикое местечко, которое контролирует банда психов, именно там находится заброшенный склад андроидов нужной модели. Проводником Сэма в этом опасном предприятии становится неистребимая девушка-воин, которую и играет звезда Голливуда – Гриффит. В финале Сэм оставляет на произвол судьбы уже добытого в боях двойника своей поломанной супруги и связывает судьбу с девушкой из плоти и крови.

Картина была слабенькая. Скорее пародийная, но Глеб понял, почему именно она попала в комплект. Миленькая, аппетитная актриса Памела Гидли, исполнявшая в фильме роль андроида, как две капли воды походила на синтетическую подружку, которую продавали японцы.

– Вот так, ребята из 87 года представляли себе 2017-ый. Все тут у нас оказывается, поголовно должны быть уже женаты на роботах... забавно.

– А ты мог бы жениться на роботе?

– Ну, если только с твоими чертами лица...

– Ах, ты.....

Долгий, как в только что просмотренном фильме, поцелуй стал последним аккордом этой пятницы.

Место, куда привёз Глеба Борис, было поистине сказочным. За мыслями Глеб и не заметил, как они оказались за городом. Кругом лес. Какое-то заповедное место. Маленький домик. Вокруг ни души.

Как выяснилось позже – какой-то пансионат... Внутри всё было подготовлено к встрече дорогих гостей. Незаметное обслуживание. Немногословные горничные, стюард... Великолепные номера, сауна, бассейн, ресторанчик – всё только для них!

Борис внёс лёгкую кожаную сумку с вещами. У Глеба не было ничего кроме папки с документами. Папка жгла ему руки. Сковывала изнутри.

Оставшись наедине, Борис и Глеб обнялись. Надолго замерли в братском объятии.

Это походило на ритуал возвращения и обретения друг друга.

– Здравствуй!

– Ну, здравствуй!

Оба смутились своим сантиментам. Испугались давно забытому чувству единения. Обрадовались детскому восторгу от возрождавшегося чувства прощения.

– Ты здорово постарел! – в интонации Бориса были какие-то материнские нотки.

– А ты нет...

– за здоровьем нужно следить...

– ну, да, наверное...

– спортом занимаешься? Вряд ли ... – ответил Борис на собственный вопрос.

– Нет, почему же, я тренируюсь ... регулярно тренирую волю... установкой, внушением – не сойти с ума...

– да я серьёзно!!! Вид у тебя кислый! Можешь задержаться здесь на пару-тройку дней?

– Почему бы и нет? Я в отпуске. Только Фиму надо предупредить.

В пансионате был предусмотрен полный пансион вплоть до белья, щетки, бритвы и даже мужского гардероба, включая костюмы для игры в гольф и занятий конным спортом, нужного друзьям размера.

Рядом с Борисом Глеб не удивлялся такому непривычному для себя сервису. Решив отложить разговор «о главном» на потом, он откисал, растворившись в окружающем его великолепии и комфорте.

Вода бассейна, умелые руки массажиста сделали своё дело, и Глеб проснулся на следующий день, проспав без малого двенадцать часов.

– Ну, вот, уже выглядишь намного лучше. А то вчера мне хотелось кричать: Братцы, мы его теряем!!! – Борис был в привычном, приподнятом расположении духа.

– Да, ладно тебе, всё нормально! – попытался парировать Глеб.

– Всё зависит от того, что считать нормой, – не согласился Борис.

– Всё относительно!

– Вот именно! Ты по-прежнему философ. Но в наше время, как умно замечено, все философы перебрались из бочек в Мерседесы.

– Ну, не все, далеко нет.

– Значит это доисторические философы. Современный философ – это мастер пиара. Это неплохо обеспеченные люди. Также как современные поэты – это в первую очередь специалисты по составлению рекламных слоганов. А, как известно, составить магический рекламный текст, выполняющий на сто процентов своё предназначение, может только мастер высокого полёта и это значительно труднее, поверь мне, чем написать роман в стихах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.